

ПЕРВЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

УДК 397
ББК 63.52

Культура огня и огонь культуры

Ольга Юрьевна Артемова

(Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; Российский государственный гуманитарный университет: Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6)

Аннотация. Статья посвящена одной из ведущих культурных традиций аборигенов Австралии доколониального времени — выжиганию лесов и саванн, которое получило в этнографической литературе условное название «земледелие с головешкой в руках» (“fire-stick farming”). Экологические и хозяйственные эффекты этой деятельности были столь значительны, что многие исследователи уподобляют ее земледелию и культурному землеустройству производящих экономик. Одним из главных эффектов выжигания было прореживание лесных зарослей и уничтожение сухостоя, что предотвращало или существенно снижало опасность распространения природных пожаров, которые в Австралии часто принимали и принимают катастрофический характер в связи с особенностями геологического строения континента.

Ключевые слова: «холодный» огонь, огонь-союзник, австралийские аборигены, «земледелие с головешкой в руках», минимизация усилий и рисков, интеллектуальное хозяйствование.

Публикуется в соответствии с планами научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Выражаю особую благодарность В. Л. Сывороткину за большую помощь в работе над этой статьей.

Дата поступления статьи: 8 сентября 2020 г.

Дата публикации: 25 ноября 2020 г.

Для цитирования: Артемова О. Ю. Культура огня и огонь культуры // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 4. С. 72–89.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.4.006>

Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего?
Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?
Ис. 33:18; Коринф. 1:20

Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых,
и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное
Коринф. 1:27

ЗАПАХ АУРУКУНА

Недавно я вышла из подъезда своего дома в Москве, и мне вдруг показалось, что «пахнет Аурукунуном». Аурукун — это поселок австралийских аборигенов на северо-западе полуострова Кейп-Йорк, где мне

довелось побывать неоднократно. А пахло у нас в Измайлово костром, в котором жгли сухие ветки или листву. Этот запах — горелого дерева, сухой травы и листвы — висел в воздухе Аурукунуна накануне сезона дождей, на излете тропического лета и днем

и ночью... Днем почти нестерпимая жара удерживала людей в домах или во дворах — в тени мощных манговых деревьев. Улицы были совершенно пустынные, кое-где из домов доносилась музыка — всегда подобранная с безупречным вкусом, время от времени пронзительно кричали не умеющие петь австралийские птицы, а над лесом, окружавшим поселок, неизменно струились тонкие дымки. Горело почти без пламени или, скорее, тлело то там, то здесь. Никого это не тревожило. Дымящийся лес и атмосфера покоя и грустной, может, даже тоскливой поэтичности — как у нас осенью на даче или в городском парке, когда жгут опавшие листья.

Поездки на внедорожнике в лес, с аборигенами или без них, были удивительными для жителейницы российской средней полосы. Деревья, по большей части невысокие эвкалипты и мелкие пальмы, стоят на таком расстоянии друг от друга, что почти везде может пройти между ними крупная машина. Лес прозрачен. Эму, кенгуру или одичавшую лошадь, корову, свинью видно за десятки, а то и сотни метров. То и дело встречаются обширные участки с черной, покрытой золой почвой и обгорелыми примерно на метр от земли стволами деревьев, у которых кроны не тронуты огнем. Их сменяют участки, поросшие свежей травой. Подлеска, кустарников, нет почти нигде. Местные жители жгут лес сознательно и регулярно. Нам не раз приходилось видеть, как они поджигают сухую траву в лесу или на открытых пространствах, похожих на саванну. Огонь «бежал узкими дорожками» по каким-то неведомым траекториям, почти не поднимаясь выше метра от земли, или как бы точно и лениво дымил у корней деревьев, почти не давая пламени. На вопросы «Зачем?» следовали лаконичные ответы: «Так надо» или: «Это наша земля, мы имеем право». Казалось, сам акт возжигания утверждал или символизировал принадлежность людей «земле» или «стране», а земли — людям. Стояло самое засушливое время года, но ни одного катастрофического лесного пожара не происходило. Мы видели множество трупов кенгуру, сбитых автомобилями на трассах, но ни одного животного, погибшего от пожара в лесу. Близилась тропическая жара, которым предстояло обновить растительность и стереть следы огня.

ЦИВИЛИЗОВАННАЯ АВСТРАЛИЯ В ОГНЕ

Это было в 2005, 2007, 2008, 2009 и 2015 гг. на малонаселенном тропическом северо-востоке Австралии, где аборигены все еще численно преобладают над пришлыми жителями. Но как же страшно, трагично и неукротимо полыхали густонаселенные англо-австралийцами, а также иными сравнительно недавними переселенцами и почти избавившиеся от сообществ коренных жителей юг, юго-восток и восток страны в те же или близкие годы в те же весенние и летние сезоны ноября, декабря и января! Хуже всего было, наверное, в декабре 2019 г. и январе 2020 г. Не будет преувеличением сказать, что люди во всем мире с содроганием и неподдельным сочувствием следили за новостями из Австралии, сопровождавшимися апокалиптическими фотографиями и видеороликами, где пламя стояло стенами многометровой высоты и протяженности, космическими снимками светившейся алым доброй половины континента; убийственной статистикой о десятках человеческих жертв, гибели многих тысяч животных, уничтожении эндемичных растений, неисчислимом материальном ущербе, героической, но преимущественно безуспешной борьбе с огнем пожарных служб и волонтеров...

Австралийская общественность в средствах массовой информации, на различных публичных собраниях и в уличных выступлениях громогласно и гневно винила небывалые жару и засуху, явившиеся следствием глобального потепления климата, которое, в свою очередь, считалось вызванным антропогенными факторами, а также федеральное правительство и прежде всего премьер-министра Скотта Моррисона за отсутствие адекватных мер по борьбе с изменением климата, якобы обусловленным промышленным производством и иными последствиями хозяйственной деятельности в стране и за ее пределами. В каких только нелепых позах, с глупо растерянными лицами не застигались фото- и видеокамерами ключевые фигуры австралийского истеблишмента. Интернет-сайты и печать обошли кадры, где некая юная беременная женщина демонстративно отказывалась подать руку премьер-министру, почему-то униженно добивавшемуся ее рукопожатия. Немало звучало речей о злокозненных поджигателях лесов, которым, однако, по

большей части не удавалось с уверенностью приписать многочисленные и почти одновременные возгорания в удаленных от людской жизни и друг от друга местах. Ведь многие пожары начинались там, где никто не живет, там, куда редко кто заходит, и лишь потом гонимые ветрами или какими-то еще неведомыми силами неумолимо продвигались к человеческому жилью!

На фоне всего этого особенно поразительными показались автору этой статьи заявления некоторых австралийских фермеров о самоотверженной готовности сокращать поголовье скота, имеющего свойство производить — как результат естественной жизнедеятельности — метан, известный своей горючестью. «Только голода Австралии не хватало!» — думалось невольно.

Потом на юго-восток и восток страны обрушились небывалый град («теннисные мячи», а не только «куриные яйца» оказались не метафорами градин, а их реальностью — в Канберре и ее окрестностях) и мощные ливни с разливами рек и озер. Вскоре пожары стали утихать. На смену им пришел COVID-19, и общественное внимание устремилось к нему. Но ведь будет другое лето!

ТЕОРИЯ ВЛАДИМИРА СЫВОРОТКИНА

Как дочери выдающегося российского геолога-тектониста, покойного Юрия Витальевича Чудинова, мне уже давно была известна убежденность серьезных — и отечественных, и зарубежных — геологов, геофизиков и географов в том, что кризисные процессы климатического характера, сопровождаемые различными крупномасштабными катастрофическими явлениями, которыми отмечена наша эпоха, не могут быть производными деятельности человека, как бы вредна для экологии она ни была (см., например: [Сывороткин 2005; Ретеюм 2020]). Мощь и размах этих явлений и процессов таковы, что их движущие силы должны иметь космическую и тектоническую (сопряженную с непрекращающейся «работой» земных недр) природу. Доверие к знаниям и исследованиям таких ученых, как доктор геолого-минералогических наук В.Н. Ларин, член-корреспондент РАН А.В. Николаев, академик РАЕН В.П. Полеванов, доктор

географических наук А.Ю. Ретеюм, доктор геолого-минералогических наук В.Л. Сывороткин, мой отец и целый ряд других, побудили меня искать иные — чем постоянно муссирующиеся в публичном дискурсе — подходы к объяснению бедственных событий в Австралии весны и лета 2019–2020 гг. Эти поиски и привели к теории глубинной дегазации Земли, разработанной упомянутым выше Владимиром Леонидовичем Сывороткиным [Сывороткин 2002; 2005; 2016; 2017; 2019; Syvorotkin 2010; 2013 и др.]. В ее основе лежат более чем тридцатилетние изыскания, эксперименты, вычисления и сложное сочетание геологических, химических, биологических и физических знаний. Ни изложить, ни понять ее в полном объеме непрофессионалу не под силу. Нам важно только, что в русле этой теории находят себе объяснение и катастрофичность, и спорадическая повторяемость лесных пожаров во многих районах нашей планеты. Это объяснение показалось мне убедительным и интеллектуально красивым.

«Если серьезно подойти к вопросу о планетарной распространенности очагов природных пожаров, — пишет В.Л. Сывороткин, — то мы должны констатировать их постоянство в пространстве, обусловленное тектоническим контролем. В России это Забайкалье и Прибайкалье, в США — Калифорния, в Австралии — штаты Тасмания, Виктория, Новый Южный Уэльс и Квинсленд, расположенные на одном меридиане. Все перечисленные выше территории постоянного возгорания в тектоническом отношении являются рифтовыми зонами <...>, где через многочисленные тектонические структуры — рифты и глубинные разломы — на дневную поверхность выходят горючие газы глубинной природы — водород и метан».

Главным фактором, определяющим возникновение пожарной опасности, утверждает он, являются «отрицательные озоновые аномалии» — разрушения озонового слоя атмосферы, так называемые озоновые дыры, которые у всех нас давно уже, что называется, на слуху. Однако возникают они не из-за наших «аэрозольных пшикалок», и не из-за фреона, использующегося в холодильниках, и не из-за промышленных выбросов углекислого газа и других вредных веществ, а вследствие мощных эмиссий водорода и метана через

«разрывы» в твердой оболочке Земли. «Именно под центрами озоновых аномалий располагаются центры глубинной водородно-метановой дегазации, т. е. центры выделения горючих газов, где, кроме всего, за счет потока избыточного ультрафиолета запускаются реакции образования приземного озона. Развал молекул озона приводит к выделению тепловой энергии и нагреву приземного воздуха, а присутствие озона способствует воспламенению водородно-воздушной смеси в приземных слоях воздуха <...>. Таким образом, приземный слой воздуха в центре дегазации насыщается смесью сильнейшего окислителя — озона и восстановителя — водорода, способных к самовоспламенению, особенно в присутствии катализаторов — металлов переменной валентности. Смесь этих газов может вспыхнуть при контакте с телеграфными или электрическими проводами, опорами ЛЭП, любым куском железа...» [Сывороткин 2017; 2019].

Концентрация смесей горючих газов к тому же часто сопровождается — при аномально высоких температурах воздуха — так называемыми сухими грозами, т.е. грозами без осадков. Осадки не успевают достичь поверхности земли, испаряясь в атмосфере. Молнии при этом становятся причиной крупных пожаров, а сопровождающий грозу сильный ветер способствует быстрому неконтролируемому распространению огня. Сухие грозы являются причиной множества лесных пожаров, в частности, благодаря им пожары инициируются одновременно или почти одновременно в удаленных друг от друга местах и в такой глуши, где не бывает ни злоумышленных поджигателей, ни людей, просто небрежно обращающихся с огнем.

Становится понятным, почему при таком сочетании или даже скоплении стимулирующих факторов пожарной службам — при всей современной оснащенности и самоотверженности — порой месяцами не удается справиться с огнем. Он оказывается неукротимым и бушует до тех пор, пока сама собой не меняется ситуация в приземной атмосфере страдающих районов. А она меняется в связи с прекращением — столь же спонтанным, как и их возникновение, — эмиссий водорода и метана. Вслед за этим затягиваются и «озоновые дыры», аномальная жара уходит. Нередко

при этом наблюдаются чрезмерные осадки, разливы природных водоемов, наводнения и внезапные резкие похолодания.

Сывороткин приводит впечатляющие примеры из недавнего прошлого. Весной и летом 2015 г., как известно, были катастрофические пожары в Сибири. Они начались в апреле в Хакасии, потом перекинулись в Забайкалье и Бурятию. В разгар бедствия премьер-министр РФ Дмитрий Медведев «раскритиковал» работу региональных и местных властей, Рослесхоза и МЧС по предотвращению и ликвидации последствий природных пожаров и потребовал, чтобы глава МЧС Владимир Пучков отправился в Сибирь тушить пожары. Накануне этой поездки на заседании правительства Пучков заявил, что МЧС России рассчитывает стабилизировать ситуацию в Сибири в течение трех дней, увеличив число пожаротушителей на три тысячи человек, что и было сделано. К работе подключили добровольцев, волонтеров и представителей общественных организаций. В регион дополнительно направили самолет Ил-76, самолет-амфибия Бе-200 ЧС, вертолеты Ми-26 и Ми-8. Общая численность группировки, принимавшей участие в тушении пожаров в Сибири, составила более 30 тысяч человек. Пожары в Восточной Сибири «удалось победить» только к 21 сентября 2015 г.! «Карта озоновых аномалий на этот день указывает на источник победы. Мощнейшая положительная аномалия ОСО указывает нам на прекращение жары, способствующей возникновению природных пожаров, и на прекращение выбросов глубинного водорода и метана, делающих эти пожары неугасимыми» [Сывороткин 2017].

В 2011 г. горели леса в окрестностях г. Братска (Иркутская область), и пожары перекинулись на сам город, они охватывали «территории городских парков, и с ними не удавалось справиться никакими силами». Братск буквально задыхался в дыму. «Происходит что-то непонятное. Только потушим один очаг, рядом появляются еще два», — недоумевал заместитель начальника Братского лесничества Сергей Ворошилов. И вот как реагировали на это бедствие центральные власти. Президент РФ Дмитрий Медведев встретился с тогдашним главой МЧС РФ Сергеем Шойгу и потребовал «организационных выводов» (на следующий день мэр

Братска подал в отставку). Сергей Шойгу вот так «давал нагоняй» властям Братска: «Вы устроили спектакль на всю страну. Вы прославили город Братск на всю страну тем, что не можете справиться с элементарными вещами». Ему, по его словам, было просто стыдно за беспомощность и бездеятельность руководства региона. «В центре города, практически в парке культуры и отдыха, тлеет пять гектаров подстилки. И вы всем городом, с мэром и пожарным гарнизоном, рассказываете, что вы с начала недели не можете “затоптать” пожар. У вас размер обуви позволяет все сразу “затоптать” в течение суток».

По подозрениям в поджогах было арестовано несколько десятков человек, так как основной причиной пожаров был объявлен «антропогенный фактор». Однако тогда же «Новая газета» писала: «... все попытки правоохранителей выявить в поджогах городских лесопарков какую-то закономерность или найти руководящую руку не приводят к вразумительному результату».

В апреле 2012 г. на Международном экономическом форуме «Каспийский диалог» В.Л. Сывороткин рассказал о своей теории Н.А. Литвиновой — директору Астраханского биосферного заповедника, который постоянно страдает от природных пожаров. «После некоторого раздумья Нина Александровна сказала: “Вы, наверное, правы. Мне пришлось наблюдать пожар на участке, где давно уже выгорела вся растительность. Я видела растрескавшуюся землю, а из трещин из-под земли вырывался огонь...”»

Смеси горючих газов, выделяющихся из-под земли, способны не только к самовозгоранию, но и к летучести. «Порывы ветра могут неожиданно перебросить эту газовую смесь в любом направлении. В полете она может внезапно вспыхнуть. «Понятной становится фраза пожилой женщины из сгоревшей нижегородской деревни, которую я услышал в одном из первых телерепортажей летом 2010 г.: «Пожар был еще далеко от деревни, за околицей, а в деревне над нами горел воздух» (все цитирования по: [Сывороткин 2017]).

Наиболее крупные глубинные разломы сопряжены с наземными и подводными горными хребтами и зонами повышенной сейсмической активности, но и территории, расположенные на платформах,

и равнины не лишены «нарушений» целостности твердой оболочки Земли, через которые может проникать газообразное вещество. Так, важнейшие положения своей концепции В.Л. Сывороткин развил, изучая пожары Подмосковья всем памятного лета 2010 г. и иных районов центра и юга России. Геологи, в частности В.П. Полеванов, указывают еще на одно явление, чреватое катастрофами, — как бы «залповые» мощные выбросы водорода из-под земли, создающие нечто вроде воронок на ее поверхности. Такие события зафиксированы даже в пределах Москвы [Полеванов 2015].

На австралийском континенте, расположенном на древней Австралийской платформе, мало сейсмически активных зон, а наиболее крупные глубинные разломы проходят по дну Тихого океана к востоку от Австралии и к северу от нее — по островам Индонезии и Новой Гвинеи, — тем не менее в восточных и юго-восточных районах страны выявляются многочисленные нарушения целостности твердой оболочки Земли (см., например: [Raymond et al. 2012; Ciotoli et al. 2020]), которые, возможно, в своем происхождении связаны с глубинными разломами окраинных океанических зон [Chudinov 1998, 5–6].

В Южном полушарии, в частности в Австралии, картина осложняется влиянием пассатов и муссонов, а также особым климатическим явлением, которое в Тихом океане получило название «Эль-Ниньо», а в Индийском — индоокеанский диполь (ИОД) или «индийский Ниньо». Для пожаров на восточном побережье Австралии определяющую роль играет тихоокеанский феномен «Эль-Ниньо», он возникает под воздействием глубинного водорода на Восточно-Тихоокеанском поднятии и ломает пассатную структуру воздушных течений, в результате чего на востоке Австралии устанавливается жаркая сухая погода, предопределяющая пожароопасную ситуацию [Сывороткин 2012; Uchoa 2020]. Сывороткин, однако, специально австралийскую ситуацию не изучал, его теория выработана по наблюдениям, ведущимся в Северном полушарии, хотя он точно установил по данным соответствующих международных мониторингов, что над Австралией в декабре 2019 г. — феврале 2020 г. «висела огромная озоновая дыра», а это, в свою очередь,

косвенно свидетельствует о мощной дегазации (из личной переписки автора статьи с В. Л. Сывороткиным).

Теория Сывороткина в Австралии совершенно неизвестна, и, по-видимому, австралийские ученые сходных идей не высказывали. Во всяком случае, один из видных австралийских геологов Брайан Галсон, с которым мне удалось связаться лично, засвидетельствовал, что ничего подобного в доступных ему исследованиях не обсуждалось. В нашей стране эта теория признана только в узком кругу специалистов, чьи неоднократные попытки убедить руководство МЧС и иных релевантных служб в необходимости менять стратегии в отношении катастрофических лесных пожаров, ни к чему пока не привели: «Игнорирование данных, которые не укладываются в “антропогенную парадигму” возникновения природных пожаров, продолжается много лет» [Сывороткин 2017]. Сывороткин полагает, что и в Австралии его открытия не могли бы найти официальной поддержки, слишком большие средства и слишком мощные коммерческие и политические интересы вовлечены в ту систему, которая господствует теперь.

Формулируя практические выводы из своих изысканий, он указывает на то, что «пожароопасные районы предопределены их геологическим строением <...>, “геологическим (газогеохимическим) сценарием” <...>. Природные пожары всегда были и будут возникать в одних и тех же местах <...>. Избавиться от них нельзя, значит, нужно изучить и приспособиться. И понять главное: что природные пожары — фактор эволюционный, действующий в одних и тех же местах планеты на протяжении миллионов лет». Поэтому нужна «планомерная и осознанная работа по выявлению районов развития систематических природных пожаров и временных закономерностей их возникновения». «В районах тектонических узлов наблюдаются: изменения структуры растительного покрова <...>, повышенная увлажненность почв, иной характер облачности <...>, ионизационные эффекты в атмосфере и т. п.», «точки возгорания нужно выявлять <...>, очищать от сухостоя и валежника и систематически контролировать» [Там же].

Процитированные и некоторые иные выводы сугобо естественнонаучного

свойства неожиданно на навели меня, гуманитария и этнографа, более сорока лет изучавшего материалы по традиционным культурам коренных австралийцев, на мысль о том, что, быть может, люди, заселившие пятый континент около 65 тысяч лет назад (если не ранее), не имея представления об охарактеризованном выше «геологическом (газогеохимическом) сценарии», выявили его эмпирическим путем; «изучили и приспособились» к нему методом проб и ошибок; работая «систематически и планомерно», научились его контролировать.

Подчеркну, что ни в какой иной части ойкумены люди не жили на одних и тех же территориях столь многими поколениями, будучи почти полностью изолированы от остального мира и сохраняя, развивая, совершенствуя однотипные системы жизнеобеспечения, основанные на высокоомобильных охоте, собирательстве и рыболовстве.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ С ГОЛОВЕШКОЙ В РУКЕ

«Земледелие с головешкой в руке» — так Владимир Рафаилович Кабо, крупнейший отечественный этнограф-австраловед, перевел на русский язык знаменитую формулу австралийских коллег — “fire-stick farming” [Кабо 1986, 233]. А ввел ее в научный оборот известный австралийский исследователь, археолог и этнограф Рис Джонс [Jones 1969]. В небольшой, но получившей огромную популярность статье, именно так и озаглавленной, он предложил новый подход к пониманию хорошо известной и изучавшейся многими учеными до него некогда распространенной по всему континенту культурной традиции коренных австралийцев (их в Австралии часто называют первыми австралийцами, в отличие от вторых — колонистов из Европы) — систематическому выжиганию лесов и саванн. Джонс уподобил эту деятельность земледелию и культурному землеустройству производящих экономик.

Все ранние мореплаватели, начиная с Абея Тасмана, сообщали о том, что береговые линии Австралии представляли перед их взорами густо усеянными огнями. Исследуя внутренние районы страны, британские путешественники подчас не могли видеть горизонта за дымом от огня, разжигавшихся аборигенами. Те, кто

имели возможность наблюдать, как аборигены перед сезоном дождей с помощью горячей палки или скрученного из растительного волокна факела или куска древесной коры поджигали сухую траву, кустарники или основания деревьев (у корней) и как потом огонь «бежал», удаляясь «насколько хватало взгляда», сравнивали это зрелище с «великолепной иллюминацией». Позднее многочисленные наблюдатели свидетельствовали о регулярных сезонных «культурных выжиганиях», охватывавших сотни или даже тысячи квадратных миль в центральных и тропических районах, где аборигены дольше могли вести традиционный образ жизни, чем на востоке и юго-востоке континента.

Экологические и хозяйственные эффекты этой деятельности были столь разнообразны и значительны, что их пристальному и всестороннему изучению, по убеждению Р. Джонса, требовалось посвятить еще многие годы труда. Он сосредоточил внимание лишь на некоторых из таких эффектов, выделив главные: прореживание лесных зарослей и уничтожение сухостоя, что предотвращало или существенно снижало опасность распространения природных пожаров; противодействие распространению и размножению растительности, не resistantной к огню; создание особо благоприятных условий для усиленного роста и распространения именно тех растений, которые давали пищу и человеку, и животным, служившим ему охотничьей добычей, что, в свою очередь, способствовало увеличению численности населения на континенте.

«В самых общих чертах, — писал Джонс, — выжигание буша (так в Австралии называют лес. — О.А.), точно так же, как расчистка участков леса под поля при земледелии, увеличивало количество солнечной энергии на единицу площади той земли, которую человек использовал... Огонь был первым «экстракорпоральным мускулом человека» <...>.

Есть трагичная ирония в том, — заключал он, — что политика предотвращения лесных пожаров, по-видимому, привела Австралию в ее современную весьма опасную ситуацию. Серия катастрофических лесных пожаров недавних лет может являться следствием того, что прервалась культурная традиция коренных австралийцев — традиция регулярного выжигания лесов и саванн» [Там же, 228].

«ХОЛОДНЫЙ» ОГОНЬ И «ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО». «ЗЕМЛЯ — ВОТ НАШ БОСС!»

Со времени выхода в свет статьи Риса Джонса было опубликовано множество работ, посвященных «культурному выжиганию», причем не только у аборигенов Австралии, но и у других народов мира, скажем, у индейцев Канады. Однако все исследователи признают, что никто не преуспел в этом так, как преуспели коренные австралийцы. Частично изучение их «культуры огня» основывалось на исторических источниках, оставленных авторами (путешественниками, геологами, биологами, миссионерами и др.) начального периода колонизации на юге, юго-востоке и востоке Австралии, частично — на наблюдениях этнографов, изучавших традиционную культуру в целом среди аборигенов северных, центральных и западных районов в XX в., частично же — на данных сугубо целенаправленных полевых изысканий и даже экспериментов недавних лет, в которых участвовали не только англо-австралийские ученые разных профессий (антропологи, биологи, химики и др.), но и аборигены, воспитывавшиеся в условиях, когда сохранялись еще многие элементы традиционной жизнедеятельности. Некоторые из исследователей и экспериментаторов автотонного происхождения выступили авторами или соавторами релевантных публикаций, см., например: [Elders 2003; Bird et al. 2008; Cape York Elders 2013; Steffensen 2020].

Как нетрудно догадаться, британские колонизаторы по мере освоения континента повсюду законодательно пресекали традицию выжигания растительности и сурово карали нарушителей этого запрета, ведь для них Австралия аборигенов была «ничьей землей», дикой природой, а огонь в ней — врагом, аборигены же представлялись грубыми, не понимающими подлинных последствий своей деятельности дикарями. Поэтому даже там, где аборигенам долго, почти до 1960–1970-х гг., удавалось вести охотничье-собирательское хозяйство, жечь лес и саванну они не могли, а если и делали это, то с риском понести наказание. Как горько сокрушается Виктор Стеффенсен, австралиец, имеющий предков-аборигенов и посвятивший значительную часть жизни изучению культурного выжигания, эти

люди «выросли во времена “да, босс, нет, босс”, когда им ничего не было позволено. Боссами для них были полицейские, смотрители национальных парков, владельцы скотоводческих хозяйств. Они ничего не могли делать без разрешения <...>. Как это возможно, что есть старые люди со знаниями древних тысячелетий, они знают страну, они происходят из страны, но им нельзя ничего делать, потому что запрещает какой-то чиновник национального парка, который не знает ничего об этой земле?» [Steffensen 2018].

Ситуация начала меняться с конца 1970-х гг., когда сохранившимся к тому времени сообществам аборигенов постепенно стали предоставляться — на различных, сложно определявшихся условиях — юридические права на традиционные земли их предков и на организацию институтов самоуправления там. Практика выжигания растительности стала в этих местах возобновляться, хотя во многих случаях традиционная экономика уже перестала быть основным средством жизнеобеспечения, а поджигание леса приобрело подчас по преимуществу символический смысл — «наша земля, наш лес, вот мы его и поджигаем».

В последние десятилетия под влиянием многочисленных исследователей, а также аборигенов, получивших образование в городской среде и активно участвующих в общественно-политической жизни страны, идея целесообразности «культурного выжигания» как меры предупреждения катастрофических природных пожаров, или, по крайней мере, как средства снижения их катастрофичности получает все большее признание и у широкой публики, и у федеральных, а также местных властей. Создаются соответствующие официальные структуры или добровольные общества, которые готовят и реализуют программы по внедрению в современную жизнь древних стратегий аборигенов, в том числе по применению их там, где автохтонные аналоги были уже давно утрачены. Скажем, техники культурного выжигания, использующиеся до настоящего времени на Кейп-Йорке или в Арнемленде, предлагается применять в Виктории или Новом Южном Уэльсе.

Однако такие идеи и такая активность далеко не всеми в стране воспринимаются с оптимизмом. Скептики высказывают

весьма разнообразные возражения, из которых наиболее веским представляется то, что в традиционных условиях, как уже говорилось, «культурное выжигание» у аборигенов имело в своей основе доскональное, многопоколенное знание тех участков земли, на которых они вели высокоомобильную жизнь, охотились, собирали растения, ловили рыбу, проводили обряды. Ведь до колонизации в Австралии было мало земли, которую не использовали те или иные их сообщества. Именно свою и преимущественно только свою землю они «читали как открытую книгу». Эти сообщества в значительной части просто перестали сосуществовать еще в позапрошлом столетии, а земли их либо превратились в сельскохозяйственные угодья и населенные пункты пришельцев из Европы, либо «одичали» без заботы и присмотра. Как вспоминает Виктор Стеффенсен, «...старые люди всегда говорили мне: “Когда умирает знание, тогда и земля умирает”» [Там же].

Как раз такие, потерявшие своих прежних и не обретшие новых хозяев территории более всего страдают от природных пожаров и являются источником распространения этих бедствий в густонаселенные и хозяйственно значимые районы. Вряд ли даже самые опытные в «культурном выжигании» аборигены Западной пустыни или Северного Квинсленда смогут успешно выполнять ту работу, которую многими тысячелетиями вели автохтоны Южной Австралии, Виктории или Тасмании. И дело не только и не столько в том, что природные условия в разных частях континента сильно разнятся, но в том, что вся жизнь коренных австралийцев зиждилась на обширном багаже сугубо специфических знаний по микрогеографии, микроклиматологии, микрометеорологии и т.п., словом — на знании микроэкосистем, каждая из которых «имеет свою идентичность и свои нужды» [Korff 2020].

В связи с вышеизложенным представляется, что, как ни много работ о культурном выжигании опубликовано к настоящему времени, даже в совокупности они не позволяют постичь наиболее изощренные и локально адаптированные приемы, процедурную суть и конечные результаты этой деятельности. Она предстает как бы сквозь дымку исторической памяти и преимущественно в восприятии сторонних наблюдателей.

Вместе с тем при всем культурном разнообразии, которое характеризовало Австралию аборигенов в традиционном контексте (ранние исследователи насчитывали до 700 племен с разными лингвистическими и культурными комплексами, в настоящее время принято выделять около 250 языков, каждый из которых ассоциируется с неким общекультурным своеобразием его носителей), она имела немало традиций гомогенного свойства, распространенных повсеместно или почти повсеместно. Это относится и к культуре обращения с огнем. Перечислю в самом общем виде главные универсалии.

Аборигены повсюду утверждали, что жечь растительность в определенных местах, определенными способами и в определенных сезонах — значит «заботиться о земле», «ухаживать за землей», «оздоравливать» землю, выполнять свой «долг» перед землей. То был своего рода категорический императив.

Повсеместно они различали «горячий» огонь и «холодный» огонь. Горячий огонь дает высокую пламя, плохо контролируется или не контролируется вообще, уничтожает деревья догта, охватывая и корни, и кроны; распространяется он быстро и приводит к гибели многих животных — обитателей леса, а подчас и людей. Иногда все же аборигены сознательно использовали «горячий» огонь, если требовалось полностью избавиться от леса на определенных участках. Но обычно они разводили «холодный», или «смирный», или «спокойный», «красивый», «класный» огонь (cool fire).

«Холодный» огонь горит «низко», редко поднимается более метра над уровнем земли, нормальная высота пламени — не выше колена человека, распространяется он медленно, «бежит как ручеек» [Steffensen 2018] по таким траекториям, которые «запустившие» его люди предвидят наперед, а если он «убегает» в ненужном направлении, то они его легко «останавливают» — сбивают ветками с густой листвой; ведь люди сопровождают «холодный» огонь, следуют его путями и корректируют эти пути, если требуется. Быстроногие животные (кенгуру, валлаби, динго и др.), а также летающие насекомые успевают покинуть зоны «холодного» огня невредимыми; змеи, муравьи и иные ползающие твари зарываются в землю,

прячутся там в норах и гнездах. Птицам и древесным сумчатым «холодный» огонь не страшен. «Холодный» огонь не сжигает семена и питательные вещества в почве и не уничтожает корневые системы деревьев, а также других растений.

Аборигены применяли целый ряд способов сделать так, чтобы огонь был «холодным»: это, скажем, разведение огня при таком направлении ветра, при котором он будет тормозить горение и сбивать пламя, а в конце концов погасит совсем, «холодный» огонь — это «самоугасающий» огонь. Кстати, можно вспомнить, что аборигены никогда не разводили больших костров на своих стоянках: каждый разводил маленький костерчик для себя, грелся около него, зачистую сам готовил себе пищу на нем и спал возле него. Пламя поддерживалось чуть теплящимся.

Выжигание растительности на определенных участках земли производили не только в определенные сезоны года, но и с определенной периодичностью. Скажем, одни участки выжигали каждый год перед наступлением сезона дождей, другие — раз в четыре или в три года и т.п.

Выжигание повсеместно носило мозаичный характер: участки, на которых жгли растительность, перемежались с участками, не тронутыми огнем, так что обширные территории как бы уподоблялись лоскутным одеялам.

Виктор Стеффенсен вспоминает, как он много лет назад впервые увидел «холодный» огонь. Его нелегально развели двое его старших родственников в одной из местностей Кейп-Йорка: «...они быстро выпрыгнули из машины и подожгли траву. У нас были потом большие неприятности, но огонь сделал все, что эти старые парни предсказали, он пошел туда, куда и должен был идти. Это был реально смирный, красивый огонь!» [Там же].

Ден Барбер, абориген из этнокультурной общности *вирадьюри* (ранее занимала обширные районы на юго-востоке страны), пожарник, повидавший на своем веку множество природных лесных пожаров, тоже рассказывает, как в первый раз присутствовал на традиционной церемонии разведения «холодного» огня: «это было ни на что не похоже, какая-то магия...». Огонь, зажженный в выбранной мастеров своего дела точке, стал расходиться радиусами по окружности в 360 градусов.

Пейзаж, созданный с помощью культурного выжигания. Трава невысокая, будто скошенная косилкой, термитники и редкие деревья, идеальные угодья для охоты. Источник: [Korff 2020]

A landscape created by "cultural burning." The grass is low, as if mowed down by a mower; there are termite mounds and rare trees, it is an ideal hunting ground. Source: [Korff 2020]

«Это как если бы камень бросили в воду и пошли бы круги волнообразно, но это были не круги по воде, а огонь по земле шел волнами», медленными и низкими [Archibald-Bingle, Wyman 2020].

Удивительное впечатление производит короткий видеоролик о традиционном выжигании растительности группой аборигенов в заповеднике Какаду (Центральный Арнемленд): огонь бежит по болоту, горит совершенно зеленый тростник, под которым не меньше, чем метровая толща воды [Kerton 2005]. Как тут не вспомнить утверждение Сывороткина, что подмосковные болота горят из-за газов, выбрасываемых земными недрами! [Сывороткин 2017]. Тем же объясняются нередко фиксируемые возгорания воздуха над водой — над морем или рекой [Buckingham 2016].

Похоже, аборигены по опыту знали места спорадических эмиссий газов и пользовались этим знанием в традиционной практике «культурного выжигания».

Помимо многих хозяйственных эффектов культурного выжигания, которые постоянно обсуждаются в публикациях (удобрение почвы золой, обновление травы для животных, на которых охотились люди, благоприятные условия для размножения растений со съедобными для человека плодами, корнями и семенами и т.п.),

в литературе можно встретить менее тривиальные сведения. Например: валлаби, птицы и другие животные имели обыкновение «купаться» в остывшей золе, чтобы очиститься от паразитов; дикие индейки приближались к кромкам «бегущего» огня, чтобы ловить спасавшихся бегством насекомых, а бродяги — австралийские журавли — приходили клевать не успевших спастись поджаренных жуков [Korff 2020].

Словом, не только многие полезные для человека и животных растения выработали резистентность к огню или даже нуждались в нем для воспроизводства [Gammage 2011], но и многие животные приспособились не просто избегать огонь, но и извлекать пользу из культурного его применения человеком. Это был некий многоярусный и многоплановый симбиоз человека, огня, флоры и фауны. И наконец, «культура огня» имела эстетическую составляющую, людям нравилось наблюдать «игру» устроенных ими огней, людям нравилось любоваться свежей растительностью, быстро возобновлявшейся на выжженных землях, а также просторными и продуманными ландшафтами, которые они сами для себя создавали.

И все же важнейшим эффектом культурного выжигания было снижение катастрофичности природных пожаров или

даже их предупреждение — благодаря систематическому уничтожению подлеска, сухостоя, чересполосице участков, свободных от деревьев, с участками, поросшими деревьями, но сознательно и тщательно прореженными.

«Знание — это безопасность <...>. У вас может быть множество пожарных машин и огнеупорные сапоги и все самые лучшие приспособления для защиты от огня, но ничто так надежно не защитит от пожаров, как знание земли <...>. Земля — вот кто действительно босс для людей, и земля руководит нами <...>. Да, у нас есть королевские бригады и борцы с огнем, да, они проявляют героизм в борьбе с тем, чего не должно быть. Это все выросло в целую индустрию¹. Сколько денег делают на разорении страны! <...> изобретают очередные новые, самые лучшие, системы шлангов, огнеупорные материалы для строительства домов, устраивают бункеры на задних дворах <...>. Они (англо-австралийцы. — О.А.) этого не понимают <...>. Мы были на севере Нового Южного Уэльса и выжигали там поросль эвкалиптов <...>, горели только те участки, где были эти эвкалипты. Ничего другого не горело. Они (белые наблюдатели. — О. А.) не могли поверить, все они были в шоке <...>. И никаких оцеплений, никаких противопожарных полос, никакой воды, ничего. Нам земля говорила, что и как делать. Беда в том, что мы больше не хотим, чтобы нас вела земля, мы хотим идти только за своим Эго <...>, все несчастия из-за Эго <...>. А на самом деле все движется по естественным законам, и ни один человек не должен стремиться опередить других, вот так!» [Steffensen 2018].

Не звучат ли процитированные слова Виктора Стеффенсена в унисон с убеждениями российского геолога Владимира Сывороткина и его единомышленников, приводившимися выше? И не переключаются ли эти научные убеждения со спонтанно найденным потомком коренных австралийцев метафорой: «Земля — вот кто

действительно босс для людей, и земля руководит нами», а также и с его утверждением: «...ничто так надежно не защитит от пожаров, как знание земли»?

«САМАЯ БОЛЬШАЯ УСАДЬБА В МИРЕ: КАК АБОРИГЕНЫ СОЗДАЛИ АВСТРАЛИЮ»

В статье, посвященной культуре огня у коренных австралийцев, невозможно обойти вниманием наиболее обширный труд по этой теме — получившую огромную популярность книгу австралийского историка Билла Гэммэджа, которая вышла в свет в 2011 г. под названием, воспроизведенным в заголовке настоящего раздела [Gammage 2011].

Современные австралийцы европейского происхождения любят говорить, что Бог создал Австралию для самого себя. Билл Гэммэдж утверждает, что ее для самих себя создали коренные жители. К 1788 г., дате основания первой английской колонии, весь континент, по убеждению этого автора, был искусственно и планомерно преобразован многотысячелетними усилиями аборигенов, и весь он представлял собой их общее «райское имение». Британцам, начавшим внедрение в Австралию, она казалась ничьей землей в ее природном состоянии, а на самом деле она была покрыта сетью ухоженных садов, огородов, водоемов и парков, имевших заботливых хозяев. Людей, живших в Австралии до начала колонизации, он именует «аборигенами до 1788 г.» и только их признает подлинными австралийцами. Всем современным жителям этой страны, считает Гэммэдж, еще только предстоит научиться быть австралийцами.

Книга основана на многочисленных исторических источниках, оставленных ранними европейскими исследователями континента, а также на этнографической и естественнонаучной литературе. Она читается с увлечением, хотя порой выводы автора, как кажется, могли бы быть более осторожными.

¹ Слова Виктора Стеффенсена о том, как делают деньги на бедах страны, притом во вред ей или бессмысленно, напомнили мне еще один недавний инвесторский тренд: крупнейшие австралийские компании будут вкладывать средства в производство кормов для скота из морских водорослей. Якобы это будут такие корма, которые существенно уменьшат выбросы скотом известного своей горючестью метана в процессе и результате пищеварения (Seaweed 2020). Можно представить, сколько будут стоить эти корма, и искренне пожалеть и коров, и фермеров, и потребителей молока, а также мяса.

«Где только возможно люди работали с ландшафтом, усугубляя одни его свойства и смягчая другие. В некоторых случаях это было все, что они могли делать. Горы, скалы, реки и большая часть болот оставались там, где были. Но и их аборигены порой изменяли. Они перекрывали реки и болота запрудами. Они рыли каналы, отводя воду рек и озер для орошения сухих земель. Они применяли огонь, чтобы извести одни растения и внедрить на их место другие...» [Там же, 5–6]. Аборигены до 1788 г., утверждает Гэммэдж, так ухаживали за своими землями, что их «пищевые ресурсы были столь же предсказуемыми, что и ресурсы земледельцев, а при засухах и наводнениях — даже более предсказуемыми. Простой стабильности им было недостаточно, они стремились к изобилию, именно оно было нормой». Их землепользование и «землеустройство» были следствием огромного технологического прогресса, они «делали жизнь комфортной. Подобно аристократам-землевладельцам, аборигены обычно имели еду в избытке, им требовалось всего несколько часов ежедневной работы для добывания пропитания, и у них оставалось много времени для религии, обрядов и отдыха». Но все это обеспечивалось соблюдением множества правил, «которые требовали строгой дисциплины от каждого» [Там же, 11].

По существу, считает Гэммэдж, коренные австралийцы до 1788 г. культивировали свою землю, в том числе и экспериментируя с выращиванием полезных растений, с искусственным орошением почв. Они занимались подлинным земледелием, хотя и не стали земледельцами, т.е. они не превратили культивацию растений в основное средство жизнеобеспечения и основное занятие и они не отдавали ему так много времени, как это делают земледельцы. Иными словами, они не сменили свой стиль жизни на земледельческий. Ведь подлинно земледельческий стиль жизни — это оседлость, аборигены же были исключительно привержены мобильности. Именно в стремлении к мобильности Гэммэдж видит причину их осознанного исторического выбора в пользу присваивающей экономики.

Книга Гэммэджа содержит целую коллекцию впечатляющих сообщений ранних европейских наблюдателей. Здесь я могу сослаться лишь на немногие.

На землях аборигенов до 1788 г. вырастали такие высокие деревья, каких не бывает в современной Австралии. Люди подрывали корни некоторых из них, перекидывали их через широкие реки и пользовались как мостами. С помощью единственного инструмента — огня — они создавали длинные прямые аллеи из параллельно стоящих деревьев. Эти аллеи вели к местам религиозных церемоний, обрядов инициации юношей. В районе Макуари (на территории современного Сиднея) одна из таких аллей тянулась примерно на милю, и каждое дерево было украшено резными изображениями — дендроглифами [Там же, 18].

Многие «первопроходцы» из Европы восхищались ландшафтами, которые напоминали им парки английской аристократии — как на приведенной ниже репродукции с картины неизвестного художника. Идиллический пейзаж, представший перед взорами участников экспедиции капитана Джеймса Стирлинга: заводь (возможно, искусственная) на Лебединой реке в юго-западной части страны, недалеко от современного Перта, лужайки, поросшие свежей травой, и отдельные крупные деревья с густыми кронами, дающими тень для комфортного отдыха или неспешной рыбалки.

На другой иллюстрации представлен исполненный Фредериком Ротери схематичный план одного из искусственных ландшафтов Квинсленда, в котором можно видеть образец мозаичного выжигания, подчиненного какому-то сложному замыслу.

Одно из самых поразительных обстоятельств — это то, что на Тасмании ранними путешественниками зафиксированы те же приемы, та же схема и те же цели культурного выжигания, что применялись на континенте. Тасмания отделилась от Австралии Басовым проливом около 11 тыс. лет назад вследствие окончания юрмского оледенения. Отсюда можно судить о древности культуры огня в «большой» Австралии.

Как известно, последняя чистокровная тасманийка, Труганини, умерла в 1876 г. Британские колонисты сделали все, чтобы освободить Тасманию от ее коренных жителей. В 1830 г. Джордж Робинсон, миссионер и протектор (официальная должность защитника) аборигенов, вместе с несколькими «аккультурированными» тасманийцами долго искал на северо-востоке острова сообщество все еще

Неизвестный художник. Встреча экспедиции Дж. Стирлинга с аборигенами на Лебединой реке, март 1827 г. Источник: [Gammage 2011, 80]

Unknown artist. Meeting of J. Stirling's expedition with the natives on the Swan River, March 1827. Source: [Gammage 2011, 80]

вольных его обитателей. Он хотел — ради их же блага, как он полагал, — убедить этих людей переселиться на небольшой соседний остров — Лебединый. Его отряд прошел через обширные пространства, недавно выжженные аборигенами, но их самих нигде не было видно. Они

сознательно и искусно прятались. Однако, в конце концов, они выдали себя, продолжая жечь растительность: люди Робинсона заметили дымы и нашли сначала четырех мужчин и одну женщину, а затем еще 65 человек. Это были остатки от приблизительно 700 насельников района, насчитывавшихся двумя десятилетиями ранее. Эти люди имели трагический опыт взаимодействия с белыми колонистами, они также понимали, сколь опасно разводить огонь, но они не могли нарушить закон предков. «Ничто так мощно не свидетельствует о той решающей роли, какую в культуре аборигенов играла забота о земле <...>. Пренебречь ею значило для этих отважных мужчин и женщин совершать смертный грех» [Plomley 1966, 245–266, 438–439], цит. по: [Gammage 2011, 160–161].

Фредерик Монтегью Ротери. Бундалир Стейшн, 1877–1878 гг. Источник: [Gammage 2011, 105]

Frederick Montague Rothery. Bundaleer Station, 1877–1878. Source: [Gammage 2011, 105]

А ЧТО ПОТОМ?

Когда я впервые приехала в Австралию, в юго-восточную ее часть, мне вспомнилась планета Альфа из культового фильма Георгия Данелия «Кин-дза-дза!», казалось, что лучшей экологической ситуации просто не бывает. Но целый ряд австралийских

исследователей, Билл Гэммэдж в их числе, думают иначе и во многом связывают современное экологическое неблагополучие страны, в первую очередь ее юго-востока, именно с прекращением традиционной землеустроительной работы аборигенов.

Не прошло еще и 250 лет со времени основания первой британской колонии в Австралии. В сравнении с более чем шестидесятилетним периодом пребывания аборигенов на континенте — это как если бы человек глазом не успел моргнуть [Courtis, Murphy 2015]. Однако за этот период исчезли многие виды эндемичных растений и животных, распространились завезенные из Старого Света сорняки и мелкие млекопитающие-вредители, не померно размножились некоторые сумчатые, превратившись из желанной дичи в расхитителей урожаев и разорителей посевов; те местные растения, которые аборигены сознательно истребляли, бурно распространяются, а те, которые они целенаправленно «поощряли», вытесняются; значительно увеличилось число насекомых, досаждающих человеку, особенно мух и комаров, и т.д. и т.п. Но главную беду многие ученые и сами аборигены видят в облесении ранее открытых пространств, в загущении лесов, в распространении подлеска, быстро высушиваемых солнцем и легко воспламеняемых видов трав, кустарников и лесного сухостоя.

Один из старших мужчин этнокультурной общности *пительнянтьяра* (занимала ранее обширные пустынные или полупустынные районы центра и юго-запада страны) утверждает: «...до прихода белого человека анунгу (аборигены. — О. А.) ничего даже не знали о по-настоящему больших пожарах, а теперь знают <...>, тогда о стране правильно заботились, и тогда большой пожар просто не мог случиться» [Reid et al. 1993, 95], цит. по: [Gammage 2011, 182].

Подобные высказывания аборигенов во множестве цитируются в современных научных и популярных публикациях, однако вопрос о том, были ли катастрофические природные пожары характерны для доколониальной Австралии, или нет, все еще остается открытым. Немало ученых сомневаются в истинности приведенного выше и аналогичных утверждений. Скорее всего, они случались и тогда, иначе бы не развилась у аборигенов вся эта сложная

культура противодействия «горячему» огню. Но важно помнить, что в предшествующее колонизации время люди, несмотря на сверх чем двадцатикратно меньшую общую численность, были гораздо более равномерно распределены по континенту, чем теперь, и что в настоящее время в Австралии имеется несравненно больше не используемых человеком пространств, чем это было в доколониальное время [Gammage 2011]. К этому следует добавить мобильный образ жизни аборигенов и их религию. Тотемические и иные верования, весь мифоритуальный комплекс были, если так можно выразиться, сугубо географичны и крупномасштабны: священные места, находившиеся на территориях разных сообществ, фигурировали в мифах о деяниях одних и тех же предков-демиургов, почитавшихся на огромных пространствах. Уход за этими святыщами, забота об их сохранности, проведение обрядов в местах их расположения были долгом не только по отношению к «своим» (представителям мелких локальных групп), но и «чужим» — многочисленным ближним и дальним соседям. Хозяйственные нужды и религия тесно переплетались у коренного населения всего континента, а крупные его части представляли собой некие единые системы или сети, в пределах которых люди регулярно взаимодействовали, подчиняясь сложным, разрабатывавшимся тысячелетиями правилам. Первые австралийцы «ходили везде» и всюду жгли растительность [Там же].

Сошлюсь под конец на нашу мемуарную книгу, исследующую урон, который нанесло природе Австралии прекращение культурного выжигания, — «Миллион диких акров» Эрика Ролса [Rolls 1981], фермера и естествоиспытателя с обширными биологическими знаниями. Это — «история о лесе, который разросся и выгнал человека». Автор более тридцати лет наблюдал, как зарастают густым лесом и становятся непригодными для использования его владения и их окрестности — район Пиллига в Юго-Восточной Австралии, представлявший собой при аборигенах открытую травянистую саванну, перемежавшуюся редколесьем.

«Дикая природа, которую мы теперь так ценим и стремимся защищать, — писал другой австралиец, Лес Мюррей, — пришла вместе с нами, завоевателями.

Она пришла сюда в наших головах и только постепенно выросла из земли, чтобы надвинуться на нас» [Murray 1982, 52].

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Австралия не только чудная страна, но и чудная, там птицы не поют, там вода выливается в раковины и ванны, закручиваясь воронкой не по часовой, а против часовой стрелки, месяц на ночном небосводе «лежит» горизонтально — «рогами» вверх или вниз, а не «висит» буквой «р» или «с», деревья сбрасывают не листву, но кору, Новый год встречают в разгар лета, главный же признак экологического неблагополучия, привнесенного цивилизацией, — не сведение лесов, а их разрастание!

Но самое удивительное, чудесное, а порой и причудливое — это культуры, созданные коренными австралийцами. Они представляются результатом осознанного выбора особого, в сущности уникального, эволюционного пути, при котором хитроумно, искусно, упорно усовершенствовались условия для присваивающего хозяйства. Столетиями соприкасаясь с земледельцами в северных районах континента, отчетливо представляя, как растут плодовые деревья, злаки и корнеплоды, экспериментируя с их посевом и выращиванием (при необходимости), они крепко держались за охоту, собирательство и рыболовство. При этом они регулярно и продуманно улучшали кормовые угодья для диких животных, а также создавали в водоемах условия, благоприятствовавшие размножению рыбы и иных пригодных в пищу обитателей вод. Никто, насколько мне известно, не сравнивал пока эту деятельность с животноводством, но в известном смысле она сродни именно ему. Вспоминаются многочисленные рассказы о том, как аборигены, переселяясь (на время или навсегда) на соседние с материком необитаемые острова, доставляли туда на лодках специально пойманных живыми сумчатых и птиц, чтобы те размножились на воле и стали привычной охотничьей добычей.

В антропологической литературе многократно подчеркивалось, что этика

труда у аборигенов была противоположна той, что присуща всем, кто имеет производящую экономику, в особенности представителям протестантских культур. Минимизация усилий и рисков — вот что более всего ценилось коренными австралийцами [Peterson 1993]. Не работа в поте лица своего, а ум и изобретательность, ведущие к цели как можно более легким и коротким путем. Огонь, который они научились контролировать и заставили служить себе, был одним из первых помощников и союзников в этом [Gammage 2011]. Ведь он сам делает нужную работу! Не исключено, что и из природной дегазации Земли коренные австралийцы каким-то образом научились извлекать пользу.

Билл Гэммэдж считает, что аборигены не стали подлинными земледельцами, потому что были привержены мобильности, мне же представляется, что еще более важную роль сыграли их социальные нормы и этические ценности, среди которых умеренность, скромность материальных запросов и приверженность императивам взаимопомощи, а также экономического равенства были самыми главными — «ни один человек не должен стремиться опередить других!».

«Мир первых австралийцев»² не был идеальным, у них были свои беды, болезни, жестокие, кровопролитные конфликты и многое другое, но источники не донесли до нас сведений о человеческих страданиях из-за нужды, голода, от нехватки самого необходимого, от изнурительного труда. Это был мир, в котором люди умели обеспечить себя всем, что им нужно, и жили без особых материальных проблем и без особого перенапряжения сил. Этот мир некоторые исследователи справедливо считают уникальной цивилизацией, и его разрушение представляется одной из самых крупных трагедий в истории человечества.

Увы, это мир прошлого. Как ни впечатляюще и даже — как ни восхитительно многие культурные достижения аборигенов, попытки внедрить их в современную жизнь австралийского «мейнстрима» представляются сомнительными, а в том, что касается практики культурного выжигания в районах, где аборигены

² Это словосочетание вынесено в заглавие выдержавшего множество изданий капитального труда выдающихся австралийских антропологов Р. и К. Берндтов, посвященного традиционной культуре аборигенов — *The World of the First Australians* [Berndt, Berndt 1964]; оно присутствует в названиях многочисленных популярных публикаций и кинофильмов о них.

давно утратили свои культуры или вообще больше не живут, — просто опасными [Courtis, Murphy 2015]. Австралии предстоит искать пути приспособиться к природным бедствиям, прежде всего

катастрофическим пожарам, и свести к минимуму их разрушительные последствия, опираясь на серьезное современное естественнонаучное знание и на соответствующие ему технологии.

Источники и материалы

Полеванов 2015 — Полеванов В. П. Водородная «бомба» под ногами и под нефтяной экономикой: (Заседание Научного совета РАН. Подкаст: АИ2) // Нейромир-ТВ. Технопарк. 2015. № 23 (29 октября).

Ретеюм 2020 — Ретеюм А. Ю. Опасный миф антропогенного потепления // Regnum. 2020. 28 октября. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3101660.html> (дата обращения: 28.10.2020).

Сывороткин 2002 — Сывороткин В. Л. Глубинная дегазация и глобальные катастрофы. М.: Геоинформмарк, 2002.

Сывороткин 2005 — Сывороткин В. Л. Протоколы заморских мудрецов. Киотский протокол // Деловое сотрудничество. 2005. № 6 (21). С. 5–7.

Сывороткин В. Л. — Сывороткин В. Л. Геологической позиции Эль-Ниньо // Пространство и Время. 2012. № 2 (8). С. 169–173.

Сывороткин 2016 — Сывороткин В. Л. О природе природных пожаров // Пространство и Время. 2016. № 1 (11). С. 22–44.

Сывороткин 2017 — Сывороткин В. Л. О природе природных пожаров: Начнет ли МЧС слушать ученых? // Regnum. 2017. 7 августа. URL: <https://regnum.ru/news/innovatio/2307799.html> (дата обращения: 08.08.2020).

Сывороткин 2019 — Сывороткин В. Л. «Безопасный» природный пожар можно не тушить и... не учитывать // Regnum. 2019. 12 мая. URL: <https://regnum.ru/news/innovatio/2626792.html> (дата обращения: 08.08.2020).

Archibald-Bingle, Wyman 2020 — Archibald-Bingle E., Wyman R. 'It's Miraculous': Owners Say Cultural Burning Saved Their Property // Sydney Morning Herald. 2020. January 6. URL: <https://www.smh.com.au/national/nsw/it-s-miraculous-owners-say-cultural-burning-saved-their-property-20200103-p53okc.html> (дата обращения: 08.09.2020).

Buckingham 2016 — Australian MP Jeremy Buckingham Sets Fire to River // BBC News. 2016. April 23. URL: <https://www.bbc.com/news/av/world-australia-36119976> (дата обращения: 08.09.2020).

Citoli et al. 2020 — Ciotoli C., Procesi M., Etiopie G., Fracassi U., Ventura G. Influence of Tectonics on Global Scale Distribution of Geological Methane Emissions // Nature Communications. 2020. № 11. Article number: 2305. URL: <https://www.nature.com/articles/s41467-020-16229-1> (дата обращения: 11.08.2020).

Courtis, Murphy 2015 — Courtis B., Murphy E. White Australia's Burning Issue — What's Wrong

with Bill Gammage's Book // Green Left. 2015. January 22. Iss. 1038. URL: <https://www.greenleft.org.au/content/white-australias-burning-issue-whats-wrong-bill-gammages-book/> (дата обращения: 18.08.2020).

Keane 2019 — Keane B. Climate Denialism is Bought and Paid for by a Rotten Political System // Crikey. 2019. November 18. URL: <https://www.crikey.com.au/2019/11/18/climate-denialism-rotten-political-system/> (дата обращения: 09.08.2020).

Kerton 2005 — Kerton R. Aboriginal Wetland Burning in Kakadu. 2005. June 1. URL: <https://csiropedia.csiro.au/aboriginal-wetland-burning-in-kakadu-2005/> (дата обращения: 19.08.2020).

Korff 2020 — Korff J. Cool Burns: Key to Aboriginal Fire Management // Creative Spirits. 2020. September 26. URL: <https://www.creativespirits.info/aboriginalculture/land/aboriginal-fire-management> (дата обращения: 08.08.2020).

Murray 1982 — Murray L. Eric Rolls and the Golden Disobedience Criticism // Quadrant. 1982. Vol. 26. № 12 (December). P. 44–53.

Plomley 1966 — Friendly Mission: The Tasmanian Journals and Papers of George Augustus Robinson, 1829–1834 / Ed. by N. J. B. Plomley. Hobart: Tasmanian Historical Research Association, 1966.

Raymond et al. 2012 — Raymond O. L., Liu S., Gallagher R., Highet L. M., Zhang W. Surface Geology of Australia, 1:1 000 000 scale, 2012 edition. Canberra: Australian Government; Geoscience Australia, 2012.

Reid et al. 1993 — Kowari 4: Uluru Fauna. The Distribution and Abundance of Vertebrate Fauna of Uluru (Ayers Rock — Mount Olga) National Park, NT / Ed. by J. R. W. Reid, J. A. Kerle, S. R. Morton. Canberra: Australian National Parks and Wildlife Service, 1993.

Rolls 1981 — Rolls E. A Million Wild Acres. Melbourne: Nelson, 1981.

Seaweed 2020 — Seaweed Venture to Cut Cattle Methane // Australian Associated Press. 2020. August 22. URL: <https://www.aap.com.au/seaweed-venture-to-cut-cattle-methane/> (дата обращения: 08.09.2020).

Steffensen 2018 — Steffensen V. Victor Steffensen Listens to the Land. Interview by Nathan Sclaro. Photography by Ben Lister. 2018. URL: <https://www.dumbofeather.com/conversations/victor-steffensen-listens-to-the-land/> (дата обращения: 23.08.2020).

Uchoa 2020 — Uchoa P. and the BBC's Visual Journalism teams. Indian Ocean Dipole: What is It

and Why is It Linked to Floods and Bushfires? // BBC News. Science. 2019. December 7. URL: <https://www.bbc.com/news/science-environment-50602971> (дата обращения: 18.09.2020).

Исследования

Кабо 1986 — Кабо В. Р. Первообытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986.

Berndt, Berndt 1964 — Berndt R. M., Berndt C. H. The World of the First Australians. Sydney: Angus & Robertson, 1964.

Bird et al. 2008 — Bird R., Bird D. W., Coddig B. F., Parker C. H. The “Fire Stick Farming” Hypothesis: Australian Aboriginal Foraging Strategies, Biodiversity, and Anthropogenic Fire Mosaics // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2008. № 105 (39). P. 14796–14801. <https://doi.org/10.1073/pnas.0804757105>

Chudinov 1998 — Chudinov Yu. V. Global Education Tectonics of the Expanding Earth. Utrecht: VSP BV, 1998.

Cape York Elders 2013 — Fire: and the Story of Burning Country / Text by Cape York elders & community leaders; Photographed & recorded by P. McConchie. Avalon: Cyclopus Press, 2013.

Elders 2003 — Elders: Wisdom from Australia's Indigenous Leaders / Forewords by M. Yunupingu,

L. O'Donoghue; Photographed & recorded by P. McConchie. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2003.

Gammage 2011 — Gammage B. The Biggest Estate on Earth: How Aborigines Made Australia. Sydney; Melbourne; Auckland; London: Allen & Unwin, 2011.

Jones 1969 — Jones R. Fire-Stick Farming // Australian Natural History. 1969. September. № 16 (7). P. 224–228. (Перепечатано: Fire Ecology. 2012. № 8. P. 3–8. <https://doi.org/10.1007/BF03400623>).

Peterson 1993 — Peterson N. Demand Sharing: Reciprocity and Pressure for Generosity among Foragers // American Anthropologist. 1993. № 95. P. 860–874.

Steffensen 2020 — Steffensen V. Fire Country. Sydney: Kindle Edition, Hardie Grant Travel, 2020.

Syvorotkin 2010 — Syvorotkin V. L. Chapter 10: Hydrogen Degassing of the Earth: Natural Disasters and the Biosphere // Man and the Geosphere / Ed by I. V. Florinsky. New York: Nova Science Publishers, 2010. P. 307–348.

Syvorotkin 2013 — Syvorotkin V. L. Deep Degassing as a Reason for Abnormally High Bioproductivity of Paleobasins and Mass Destruction of Hydrobiots // Paleontological Journal. 2013. Vol. 47. № 10. P. 1205–1213.

© О. Ю. Артемова, 2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Артемова О. Ю. <http://orcid.org/0000-0003-0937-6920>

Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: Российская Федерация, 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; тел.: +7 (499) 954-93-43; заместитель директора Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета: Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6; тел.: +7 (495) 973-40-94; e-mail: artemova.olga@list.ru

The Culture of Fire and the Fire in Culture

Olga Yu. Artemova

(N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences: 32a, Leninskii av., Moscow, 119991, Russian Federation; Russian State University for the Humanities: 6, Miusskaya square, Moscow, 125993, Russian Federation)

Summary. This article is devoted to one of the leading cultural traditions of the pre-colonial aborigines of Australia — the burning of forests and savannas, which has received the conventional name of “fire-stick farming” in ethnographic literature. The environmental and economic effects of this activity are so significant that many researchers assimilate it with a method of land management by producing economies. One of the main effects of burning is the thinning of forests and the destruction of dead wood, which prevents or significantly reduces the risk of spreading wildfires, which in Australia have often taken on a catastrophic character due to the special geological structure of the continent.

Key words: “cold” fire, fire-ally, Australian aborigines, “fire-stick farming”, minimizing efforts and risks, intellectual management.

Acknowledgements. Published in accordance with the research plans of the N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Special thanks to Vladimir Syvorotkin for his personal assistance.

Received: September 8, 2020.

Date of publication: November 25, 2020.

For citation: Artemova O. Yu. The Culture of Fire and the Fire in Culture. *Traditional Culture*. 2020. Vol. 21. No. 4. Pp. 72–89. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.4.006>

References

Berndt R.M., Berndt C.H. (1964) *The World of the First Australians*. Sydney: Angus & Robertson. In English.

Bird R., Bird D.W., Codding B. F, Parker C.H. (2008) The “Fire Stick Farming” Hypothesis: Australian Aboriginal Foraging Strategies, Biodiversity, and Anthropogenic Fire Mosaics. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2008. No. 105 (39). Pp. 14796–14801. <https://doi.org/10.1073/pnas.0804757105>. In English.

Chudinov Yu. V. (1998) *Global Education: Tectonics of the Expanding Earth*. Utrecht: VSP BV. In English.

Elders: Wisdom from Australia’s Indigenous Leaders (2003). Forewords by M. Yunupingu, L. O’Donoghue; photographed and recorded by P. McConchie. Cambridge; New York: Cambridge University Press. In English.

Fire: and the Story of Burning Country (2013). Text by Cape York elders & community leaders; Photographed & recorded by P. McConchie. Avalon: Cyclopus Press. In English.

Gammage B. (2011) *The Biggest Estate on Earth: How Aborigines Made Australia*. Sydney;

Melbourne; Auckland; London: Allen & Unwin. In English.

Jones R. (1969) Fire-Stick Farming. *Australian Natural History*. 1969. September. No. 16 (7). Pp. 224–228. (Reprinted in: *Fire Ecology*. 2012. No. 8. Pp. 3–8. <https://doi.org/10.1007/BF03400623>). In English.

Kabo V.R. (1986) *Pervobytnaya dozemledel’cheskaya obshchina* [The Primeval Pre-Agricultural Community]. Moscow: Nauka. In Russian.

Peterson N. (1993) Demand Sharing: Reciprocity and Pressure for Generosity among Foragers. *American Anthropologist*. 1993. No. 95. Pp. 860–874. In English.

Steffensen V. (2020) *Fire Country*. Sydney: Kindle Edition, Hardie Grant Travel. In English.

Syvorotkin V.L. (2010). Chapter 10: Hydrogen Degassing of the Earth: Natural Disasters and the Biosphere. In: *Man and the Geosphere*. Ed. by I. V. Florinsky. New York: Nova Science Publishers. Pp. 307–348. In English.

Syvorotkin V.L. (2013) Deep Degassing as a Reason for Abnormally High Bioproductivity of Paleobasins and Mass Destruction of Hydrobiota. *Paleontological Journal*. 2013. Vol. 47. No. 10. Pp. 1205–1213. In English.

© O. Yu. Artemova, 2020

ABOUT THE AUTHOR

Olga Yu. Artemova <http://orcid.org/0000-0003-0937-6920>

E-mail: artemova.olga@list.ru

Tel.: +7 (499) 954-93-43

32a, Leninskii av., Moscow, 119991, Russian Federation

DSc in History, Professor, Senior Research Fellow, Center of Asian and Pacific Studies, N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences

Tel.: +7 (495) 973-40-94

6, Miusskaya square, Moscow, 125993, Russian Federation

Vice-Director, Research-Educational Center of Social Anthropology, Russian State University for the Humanities

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)